



УДМУРТСКИЕ МИФЫ
ОТ ИНМАРА И МАТЕРИ
СОЛНЦА ДО СВАДЬБЫ ЛЕШИХ
И ПОЛОВИНЧАТОГО ЧЕЛОВЕКА



МАРИЯ СУХОВА



МИОО

Мария Сухова
Удмуртские мифы. От
Инмара и Матери солнца
до свадьбы леших и
половинчатого человека
Серия «МИФ Культура»
Серия «Мифы от и до. Россия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73828308

*Удмуртские мифы. От Инмара и Матери солнца до свадьбы леших и половинчатого человека / Мария Сухова: ООО «МИФ»; Москва; 2026
ISBN 9785002509492*

Аннотация

Как медвежья голова помогала в поисках вора? Отчего герои сказок ударяются оземь? Зачем батыр просит жену привезти ему слабо пропеченный хлеб?

Эта книга раскроет перед вами мир удмуртской мифологии – истории о давних временах, когда землю населяли великаны алангасары, а небо было так близко, что облака почти касались крыш. Здесь Вукузё сушит бороду на облаке, Мать солнца Шунды-мумы следит, чтобы сын не сбился с пути, а охотники состязаются с лесным духом. Эти сюжеты дошли до нас в

удмуртских загадках и сказках – многие из них покажутся вам знакомыми, но откроются с новой стороны.

Содержание

Вместо предисловия	10
Удмурты в современной картине и на современной карте мира	12
Глава 1. Покровители и боги в картине мира удмуртов	38
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мария Сухова
Удмуртские мифы. От
Инмара и Матери солнца
до свадьбы леших и
половинчатого человека





Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Сухова М. В., 2026

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Вместо предисловия

Что значит «написать книгу»? Я полюбопытствовала, что советует по этому поводу интернет и советует ли он вообще. Ведь он не может не подсказать – там всегда что-нибудь да есть. Даже если нет (чему я весьма удивлюсь), то это все же что-нибудь да значит. Я просто загуглила. Правильно настроенный браузер, изучивший историю моих пристрастий и поисков, предложил мне [«Как написать книгу: 10 советов»](#) от издательства МИФ. Но самое интересное не в этом. Более чем за полгода до этого я обнаружила в своем почтовом ящике письмо от издательства МИФ, в котором ко мне очень любезно обращались с предложением написать книгу о мифологии удмуртов. Когда читаешь в адресованном тебе письме «конечно же, мы были бы рады видеть вас в качестве автора этой книги, если вам это интересно», понимаешь, что ты вообще это письмо пропустил мимо, поскольку не ждал. То есть ждал, но тайно. Второе, что ты понимаешь, с подозрительностью перечитывая текст, – это не чья-то шутка и даже не мошенники. Третье – это «ура, наконец-то мечты на самом деле сбываются. Недели не прошло, как я об этом мечтала, и даже вслух». Четвертое – это не привычная для тебя статья, предполагающая публикацию в научном издании, не исследование проблем, связанных с твоим исследовательским интересом, облеченное в строгие академические рам-

ки, даже не книга о любимом городе.

Искусственный интеллект, который повадился в последнее время давать мне рекомендации и составлять обзоры, скромно, но с достоинством отмечает, что *«написать книгу» означает создать текст, который представляет собой законченное произведение обычно в форме повествования или изложения информации и предназначен для чтения другими людьми*. Рекомендации разнообразных ресурсов пестрят сногсшибательными формулировками, которые наводят на подозрения о том, что тех, кто жаждет написать книгу, больше, чем ты ожидала. Там можно найти весь спектр мотиваций для тех, кто еще не подверг свое желание полномасштабной рефлексии. «Почему хочется написать книгу» и «О чем и зачем писать книгу» – видимо, первый ее этап. А вот «Что делать, если вы решили написать книгу» и «Восемь причин, почему вам стоит написать книгу» создают образ автора, которому грозит паническая атака и который все-таки не может отказать себе в удовольствии и решается. Но на самом деле ты уже готов к таким свершениям и вполне осознаешь задачи, поставленные перед тобой в рамках этой работы.

«Если хочешь знать длину дороги, попробуй пройти».

Удмурты в современной картине и на современной карте мира

*Мой маленький народ
Скрывался в глубь лесов,
Скрывался в глубь души —
И чуть не заблудился.*

В. Владыкин

Удмурты в составе уральской языковой семьи

Как отыскать народ в том этническом многообразии, которое сложилось за многовековую историю нашей планеты, в той пестроте, которая кажется порой хаосом? Эта задача становится решаемой, если обратиться к научной классификации, которую, перефразируя великого классика, «уже затем учить надо, что она ум в порядок приводит». В современной этнологии и обыденных практиках существует несколько способов «приведения в порядок» того почти хаотического разнообразия народов, которое стало результатом исторического развития. Едва ли будет ошибкой сказать, что самым удобным и популярным способом можно считать лингвистический, разработанный в рамках сравнительно-истори-

ческого языкознания и основанный на выявлении соотношения между генетически связанными, родственными языками. По принципу языкового родства удмурты входят в уральскую или, как указывают некоторые источники, урало-юкагирскую семью языков и народов. В своем современном виде эта семья занимает очень обширные территории Евразии – от Фенноскандии и Среднего Дуная, где живут финны и венгры, до бассейна Колымы, где расселены юкагиры. Однако территория проживания юкагиров оторвана от основного уральского ареала и занимает крайние его восточные пределы. Такое путешествие на восток – вопрос отдельный и не до конца изученный, поэтому в поисках местоположения удмуртов в системе расселения уральских народов проще вести расчеты на пространствах от Финляндии и Венгрии в Европе до той линии, которую можно мысленно провести, соединив Таймыр и верховья Енисея, в России.



Вотяки из Вятской губернии. 1780.

The New York Public Library Digital Collections

В пределах этого ареала удмурты занимают срединное положение, в буквальном смысле являясь «народом Среднеземья». Их формирование и древнейшая история связаны с Вятско-Камским междуречьем. Эту территорию в III–II тыс. до н. э. современные археологи и лингвисты свя-

зывают с эпохой древнего финно-угорского этнокультурного единства. Финно-угры этой эпохи, выделившиеся внутри древнего уральского населения, занимали пространства от Среднего Приуралья до бассейна Вятки. Этот ареал постепенно расширялся, так как финно-угры медленно, но верно дрейфовали в разных направлениях: на восток – в Зауралье, на юго-запад – до Волго-Окского раздела, на север – в бассейн Печоры, на северо-запад – в Прибалтику и Скандинавию. К началу нашей эры оказалось, что вся территория от средней Оби, по Среднему Уралу, верхнему и Среднему Поволжью до Печоры и Финского залива заселена финно-уграми. В этой системе расселения удмурты – автохтонное население Урало-Поволжской историко-культурной области, которая исторически сложилась и существует на территории Восточно-Европейской равнины как древнейший полиэтнический регион. Кроме финно-угорских, а шире – уральских народов, здесь укоренились народы, говорящие на алтайских языках: это древние булгары и более поздние «монголы, которых мы именуем татарами», как писал о них францисканский монах, путешественник и дипломат Джованни дель Плано Карпини в 1247 году. Булгары, воспринявшие ислам, начали письменную традицию историописания в регионе и создали государство практически в сердцеvine Волжского торгового пути. Именно с болгарским компонентом связаны этногенез и этническая история бесермян – народа, имеющего, вероятно, тюркские корни, но освоившего

финно-угорский язык. Предки татар, осевшие в Поволжье, задавали тональность всей культурной и политической истории позже – в XIV–XVI веках. С историей региона связаны также индоевропейцы. Это в первую очередь ираноязычный мир кочевников степной полосы от Алтая до Северного Причерноморья, который не только сформировал скифскую золотую коллекцию Эрмитажа, но и оказал большое влияние на развитие культурных традиций у народов лесной полосы, среди которых было и финно-угорское население – предки современных удмуртов, марийцев, мордвы. С последних веков I тыс. на развитие финно-угров Урало-Поволжья оказывают все большее влияние восточные славяне, в общем миграционном вихре Великого переселения народов добравшиеся до Волго-Окского междуречья. С этого времени древнерусское и русское влияние в регионе остается культурной, а с XV века становится политической константой жизни.



Заведующая Глазовским краеведческим музеем В. И. Чиркова в костюме северной удмуртки. Глазов, Вотская автономная область. 1929.

Муниципальное бюджетное учреждение культуры (МБУК) «Глазовский краеведческий музей»

Возвращаясь к уралистике, отметим, что финно-угорская общность включает несколько современных народов в составе урало-юкагирской семьи. Для простоты перечислим их, двигаясь с запада на восток: венгры, финны, эстонцы, саамы, карелы, ижорцы, водь, вепсы, мордва, марийцы, удмурты, коми-пермяки, коми-зыряне, манси и ханты.

Ханты, манси и венгры, маркируя западные и восточные пределы этого ареала, являются ближайшими родственниками, а удмурты и коми составляют так называемую пермскую общность.



Финно-угорские народы в составе урало-юкагирской языковой семьи

Удмурты – титульный этнос Удмуртской Республики. Государственная территория современных удмуртов окаймлена двумя крупными реками Волжского бассейна – Камой с востока и Вяткой с запада. Территории, населенные удмуртами, входили в состав русского государства постепенно, в процессе политического противостояния с Вятской землей и

Казанским ханством в XV–XVI веках. Исследования современных археологов, лингвистов и историков свидетельствуют, что до XVII века этническая территория удмуртов была чуть больше вытянута на запад – включала собственно бассейны верхней и средней Вятки и ее притоков, а также земли Прикамья. Но в XVII веке, когда количество русских переселенцев-крестьян в крае увеличивается, удмурты постепенно мигрируют на восток, территория этноса «сжимается» между Камой и Вяткой. В XVIII–XIX веках подавляющее большинство удмуртов проживало в Вятской губернии, однако часть этноса была дисперсно расселена в Пермской, Казанской и Уфимской губерниях Российской империи. В сумме это те территории, которые и образуют основной ареал расселения удмуртов в России. Этнические группы удмуртов и сейчас живут в сопредельных с Удмуртией регионах – Пермском крае, Свердловской и Кировской областях, Татарстане и Башкортостане, Республике Марий Эл.

Национальное государство в форме автономии удмурты получили в 1920 году после принятия ВЦИКом Декрета об образовании Вотской автономной области. Как и во многих подобных случаях, складывание государственности у удмуртов было весьма неоднозначным процессом, что во все не умаляет самого факта появления такого государства. В 1932 году в названии автономной области вместо «Вотская» в качестве официального стал использоваться этникон «Удмуртская», а в 1934 году автономная область была

преобразована в УАССР – Удмуртскую Автономную Советскую Социалистическую Республику, каковой она пробывала до 1991 года. В соответствии с Конституцией Удмуртской Республики, принятой в 1994 году, «Удмуртия – государство в составе Российской Федерации, исторически утвердившееся на основе осуществления удмуртской нацией и народом Удмуртии своего неотъемлемого права на самоопределение... Наименования Удмуртская Республика и Удмуртия – равнозначны».



Северная удмуртка. Фотопортрет.

МБУК «Глазовский краеведческий музей»

Как в исторической ретроспективе, так и сейчас удмурты не самый крупный по численности этнос не только в мире, но и среди народов России. Однако в списке современных финно-угров России удмурты остаются вторым по численности народом [см., напр.: Логинова, Жулина, 2011: 76]. Используя статистические данные и простые математические приемы, несложно подсчитать, что доля удмуртов, проживающих в пределах собственной республики, стабильно равнялась или превышала 70%. Общая численность этноса в течение последнего полувека, как видно, снижалась, но снижение не имело при этом резких скачков: этому есть свои причины, они имеют разный характер, однако их выяснение не входит в задачи ни автора, ни читателя этой книги.

Динамика численности удмуртов в последней четверти XX – первой четверти XXI века (по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Удмуртской Республике)

Субъект	1979	1989	2002	2010	2020–2021
Удмуртская Республика (УАССР), тыс. ч.	479,7	496,5	460,5	410,5	299,5
Российская Федерация (СССР), тыс. ч.	686	715	636,9	552,3	386,5

Структура удмуртского этноса весьма неоднородна. В структуре современных удмуртов можно проследить остатки многочисленных подразделений разного исторического порядка.

Это компоненты, восходящие, видимо, к древнейшим эндогамным группам – *ватка́* и *калме́з*, расселенным в бассейнах рек Вятка и Кильмезь, а также к экзогамным объединениям – *воришудам*, феномен которых является предметом постоянного интереса этнографов, лингвистов, фольклористов. Достаточно рано удмурты оказались разделены на северных и южных, что было связано с воздействием разных исторических факторов. Так, северная, вятско-чепецкая группа рано оказалась под влиянием русской культуры и Московского государства, а южная, наоборот, попала в зону притяжения тюркских культур и государств – Булгарии, Казанского ханства. Это определило их культурное своеобразие, проявляющееся в диалектах, обрядах, элементах материальной культуры, например в традиционных костюмных

комплексах. Северные удмурты более лаконичны и даже скупы в своей цветовой гамме и в миропонимании: красный цвет крови, жизни и солнца в тканых полосках рубах идеально гармонирует с белым холстом и черной каймой вышивки, отделяющей жизнь от смерти, небо от земли, которая только кажется грязной, на самом деле воплощая идею сакральной чистоты.

Одежда южных удмуртов полихромна и плотно насыщена яркими желтыми, зелеными и даже кислотно-розовыми пятнами. Иногда в расположении цветов на тканых фартуках и вышитых рукавах рубах теряешь ритм, но он находится, как только представишь себе, что этот кусок полотна лишь «вырезан» из какого-то более длинного ряда.

Проблема этнонима удмуртов

Этноним *удмурт* до сих пор не имеет в науке однозначно принятой этимологии и семантики. В современном звучании этноним относят к категории самоназваний – эндоэтнонимов. В его составе выделяют две основы: *уд* и *мурт*. Основа *мурт* имеет, очевидно, индоиранское происхождение и относится к заимствованиям середины I тыс. до н. э., когда лесная зона Восточной Европы находилась под сильным влиянием ираноязычных культур лесостепной и степной зоны. Не стали исключением в этой системе контактов и пермские племена – предки современных удмуртов и коми. В удмурт-

ском языке слово *мурт* используется в значении «человек, мужчина» и, по данным лингвистов, имеет аналоги в этнонимах других финно-угорских этносов Поволжья: летописной *мери*, *марийцев* и *мордвы*.

Первая часть этнонима трактуется исследователями по-разному. Долгое время предполагалось, что основа *уд* восходит к марийскому *одо* – «всходы, побеги, поросль на лугах» и могла быть приобретением удмуртов в ту эпоху, когда их этническая территория располагалась западнее Вятки и соприкасалась с родственными марийцами. Многие из сторонников этой гипотезы указывают не только на лингвистические данные, но и на замечание Герхарда Фридриха Миллера, который, будучи в составе Великой Северной экспедиции 1733–1743 годов, наблюдая удмуртов, писал, что «сами себя они называют не иначе как Ud-murt, где Ud, которое черемисы [т. е. марийцы] выговаривают как oda, является именем собственным» [Миллер, 1791: 32].

В этом значении получается, что удмурты – «луговые люди». Однако есть серьезные доказательства того факта, что вектор заимствования основы *одо* был обратным: это не удмуртская адаптация из марийского, а, напротив, марийское заимствование удмуртского самоназвания. Как бы то ни было, но сохранение генетической близости, постоянные контакты формирующихся в Вятско-Ветлужском регионе удмуртской и марийской культур подтверждаются и лингвистами, и археологами. Последние отмечают, что общей базой их

этногенеза является ананьинская культурная общность, занимавшая «огромную территорию – от Ветлуги и Суры на западе до Белой и Камы на востоке, вплоть до Вычегды, Печоры и Северной Двины на севере». Противники «лугового» толкования этнонима отмечают, что «ни данные русских источников и марийской этнонимии, ни, наконец, восприятие слова *удмурт* самими удмуртами не позволяют восстанавливать для самоназвания удмуртов значение *луговой человек*» [Белых, Напольских, 1994: 280].



Женское платье. Лен, ситец, хлопок, ручная работа.
МБУК «Глазовский краеведческий музей»

Другие возводят основу *уд/одо* к эпохе тех же иранских заимствований, что и в случае с основой *мурт*. В этом случае происхождение основы *уд/одо* возводится к иранской основе **anta* – «крайний, окраинный, пограничный». В этом ключе удмурты – «жители пограничья», но с точки зрения брошенной ираноязычными кочевыми культурами степной полосы, а затем усвоенной пермскими племенами лесной зоны. Третьи обращают внимание на генетическое родство основы *уд/одо* с названием этноплеменного союза северных удмуртов *ватка́*, живших в бассейне Верхней Вятки и Чепцы. При этом происхождение этнонима *ватка́* связывается с удмуртским зоонимом *вад* – «выдра». Такая трактовка происхождения этнонима предполагает, что удмурт – «человек племени *ватка́*».

Как и многие другие *инородцы* Российской империи, удмурты были известны в устной традиции, а также более ранних или, напротив, поздних письменных источниках под другими именами. В случае с экзоэтнонимом **вотяк** можно небезосновательно предположить, что это русское название удмуртов в разных звучаниях – *отяки*, *вотины*, *вотяки* – образовалось на основе заимствования и имеет общий корень с первым компонентом самоназвания удмуртов. Часть историков, однако, полагает, что это заимствование своим источником имело не удмуртскую, но марийскую культуру и язык. Этноним *вотяк* использовался как официальное имя этно-

са в документах XV–XX веков. Интересно, что до XIV века древнерусские летописи, скорее всего, вообще не различают удмуртов и коми-пермяков, называя их одним собирательным именем – *пермь*, имея в виду жителей **perg maa* – «заокраинной земли», лежащей на северо-востоке от Новгорода (и Киева). Этот топоним, использовавшийся и как этноним, летописная традиция Древней Руси укоренила в ходе контактов с прибалтийско-финским населением. Впервые слово *пермь* встречается в сообщении Повести временных лет, которое можно датировать началом XII века: *пермь* названа среди народов, которые «иже дань дают Руси» [Чагин, 1988: 9]. Первоначально этим именем в летописи называли население вычегодского бассейна – коми-зырян, а территорию именовали Пермью Старой. Но по мере знакомства русских с коренным населением Прикамья – пермяками и удмуртами термин закрепляется и за этими землями, которые получили имя Пермь Великая. *Пермь*, называемая также *Биармия*, известна с IX века и европейским хроникам как страна серебра, меха, моржовой кости и других богатств, лежащая где-то на крайнем севере Восточной Европы. Например, в переложении «Истории против язычников» испанского священника Павла Орозия (конец IV – первая половина V века), выполненном в конце IX века англосаксонским королем Альфредом, мы находим историю Оттара, который рассказывает королю о своем плавании от берегов Северной Норвегии в Белое море. Из пересказа Альфреда мы узнаем, что мно-

гое поведали ему бьярмийцы как о своей родной земле, так и о близлежащих землях; но он не знал, насколько правдивы эти рассказы, потому что сам этого не видел. Показалось ему, что и финны [саамы], и бьярмийцы говорят почти на одном [и том же] языке. Вскоре он поехал туда не только для того, чтобы увидеть эти края, но и за моржами... [Орозий короля Альфреда].

Оказывается, что вечные поиски земного рая в европейской культурной традиции могут быть связаны не только с лежащими где-то на юге или востоке призрачным царством пресвитера Иоанна, чудесами Индии, Эфиопии, золотым Эльдorado или Terra Argentum. Они бывают направлены совсем в противоположную сторону – на север. Это связано, очевидно, с точкой отсчета: важно, откуда направлен взгляд пишущего. Кроме того, расположение любого из призрачных миров на юге или на севере вполне соответствует мифологическим принципам размещения земли антиподов, «того света»: теплый юг и холодный север часто смыкаются где-то за краем земли. Размышляя о Перми-Биармии, можно вспомнить мифическую Гиперборею, которую Плиний Старший, например, размещал за Рипейскими – вероятнее всего, Уральскими – горами и областью, где дует аквилон – северо-восточный ветер. Именно там живет...

«...если только можно поверить, блаженный народ так называемых гипербореев. Они достигают очень преклонного возраста и прославлены легендарными

чудесами. Здесь, как полагают, находятся петли, на которых вертится мир (cardines mundi)... <...> Для [гипербореев] Солнце каждый год восходит однажды, в день летнего солнцестояния, и заходит однажды, в день зимнего солнцестояния. Область их теплая, [климат] счастливым образом соразмерен... Умирают они, только когда насытились жизнью: задав пир и умастив свою старость драгоценными мазями, бросаются с некоей скалы в море. О блаженнейший вид погребения!» [Плиний Старший. Естественная история. IV, 89].

В любом из вариантов главное, что эта страна – место, где сконцентрированы все земные блага, точка, где материализуются все желания, где можно достичь счастья. Кстати говоря, соседями гиперборейцев, возможно, были финно-угры. Среди вполне внятных номадов и савроматов, не подвергающихся идентификации или откровенно мифологических антропофагов и аримаспов Плиний помещает тиссагетов, которых значительная часть исследователей считает предками мери, мордвы и марийцев и соотносит с племенами городецкой археологической культуры Среднего Поволжья, развивавшихся в системе прямых культурных контактов со своими восточными соседями – племенами ананьинской культуры. Так что предки современных удмуртов жили совсем недалеко от страны вечного блаженства [см., напр.: Доватур, 1982; Атаманов, 2017; Владыкин, Христолюбова, 1997].

Еще более интересна, если не запутана, история с исполь-

зованием этнонима *ары, арские люди*, а также топонима *Арская земля*. Если русские летописи используют эти термины применительно к удмуртам и южному Прикамью в XIV–XVI веках, то гораздо раньше – в X–XII веках – эта этнотопонимическая традиция формируется в арабской географии и историописании. К ней относятся широко известные восточному читателю сочинения пяти арабских географов, повествующие о трех группах русов, причем под последними подразумеваются не русские в современном значении слова, а этнически смешанное население северных областей Восточной Европы. В текстах арабских сочинений именно третья группа ассоциируется со страной или городом, именуемым в разных вариантах Арсанийя, Артаб, Арсани, Арса. Купец и миссионер Абу Хамид ал-Гарнати, путешествовавший по Волжской Булгарии в 1135–1136 годах, писал: «А у него [Булгара]... есть другая область, которую называют Ару, в ней охотятся на бобров и горностаев, и превосходных белок» [Путешествие ал-Гарнати: 31].



Нагрудник. Серебро, ткань, металл, ручная работа, чеканка.

МБУК «Глазовский краеведческий музей»

Поразительно, насколько схожи по содержанию и эмоциям взгляды, брошенные из разных частей пишущего мира на чудесную Пермь-Биармию и потаенную Арсанийю, жители которой «не сообщают никому ничего о делах своих и не

позволяют никому сопровождать их и входить в их страну». Перед взором читающего рядом проходят диковинные богатства, воплощенные в полумифических укрепленных городах, «где убивают всякого чужестранца», чудесных мечях, «которые можно согнуть вдвое, но как только отводится рука, они принимают прежнюю форму», рядах странных черных леопардов и вполне реальных черных соболей, чернобурых лисиц, куниц, горностаев, белок, бобров, караванов из моржовой кости, серебра и олова. Земля Арсанийя арабских текстов IX–XII веков сопоставлялась некоторыми исследователями с Арской землей русских летописей, т. е. ареалом расселения южных удмуртов. Эта современная историографическая традиция остается в ряду спорных проблем до сих пор [см.: Гришкина, 1994: 13–15; Чураков, 2006].

Возвращаясь к вопросу об этнониме *ар*, которым удмуртов называют тюркские народы Поволжья, необходимо сказать, что этимология и семантика термина также связана с чередой заимствований. Одни исследователи указывают на индоиранские корни этнонима, отмечая возможный спектр значений формы **arja* – «чужак, герой, удалец». Другие считают, что арабское **ar* – «человек, мужчина, муж» проникает в круг тюркских культур и используется в этом же значении, а позднее – в русские летописные тексты. Принимая сопоставление арабской Арсанийи и летописной русской Арской земли, многие авторы связывали использование слова *ары* в отношении южных удмуртов с древнеудмуртским го-

родищем на территории современного Арска в Татарстане. При этом реконструкции, как видно, создавались исходя из созвучия татарского топонима *Арча* (Арск) и этнонима *аряне* / *ары* и *арские люди* / *арские князья* из русских документов. В разнообразной научной литературе можно встретить утверждения о том, что этноним восходит к тюркскому **ar* / **ary* – «напротив, на той стороне» и связан с болгарским наименованием удмуртов, живших «за Камой», на северо-востоке от болгар [см.: Белых, 1996].

Однако какую бы версию происхождения и значения разных имен удмуртов вы ни выбрали, вы всегда будете сталкиваться с фактом изменения этих имен и их значений. Историческая семантика этнонимов связана со всем многообразием хозяйственной и культурной жизни народа, системой его контактов. Это изменение отличается своеобразной текучестью, оно не фиксируется в документах со всей ясностью и однозначностью, как нам, может быть, этого хотелось. Отправная точка изменения – имя нарицательное, которое чаще всего связано с желанием обозначить *своего*, а не чужого. В этот момент важно использовать основы со значением «человек» (*мурт*, *ар*), и уже второй вопрос – каков источник происхождения такой основы. Конечный пункт развития этнонима – имя собственное, которое обозначает «определенный народ, и ничего больше». Становится ясно, что смыслы, вкладываемые современными носителями в собственный этноним, не соотносятся с первоначальным значением той или

иной его основы и могут происходить из круга генетически не связанных, то есть не родственных культур и языков.

Глава 1. Покровители и боги в картине мира удмуртов

В попытке дать характеристику мифологической картине мира удмуртов широкой читающей публике важно понимать, что это далеко не первая книга подобного рода. Более того, она не носит строго научного характера и имеет целью не просто окунуть современного читателя в мир удмуртской мифологии, а сделать это не слишком сложно и при этом максимально отчетливо – в соответствии с современными представлениями этнографов, фольклористов, историков. При этом читатель должен понимать, что, как в случае с любой гуманитарной проблемой, здесь невозможно дать простые ответы – они неизбежно превратились бы в упрощенные. Невозможно выстроить жесткие логические схемы или конструкции – они неизбежно ломаются, поэтому при описании такой картины мира и ее основных параметров авторам всегда приходится применять «полужесткие» крепления, а читателю придется учиться воспринимать описываемые явления в динамике, в многосложности. В подобных случаях принято цитировать Гераклита, которому приписывается авторство известной фразы о том, что все течет, все меняется.

В начале повествования необходимо договориться об ос-

новных понятиях и подходах. Во-первых, требует хотя бы формального определения понятие картины мира, которое обычно является принципиальным в характеристике любой системы мировоззрения. В обыденных практиках эти категории воспринимаются как синонимичные. В данном случае удобнее исходить из определения, которое помещено в энциклопедические издания. В этом случае оно звучит примерно так: «Картина мира – система представлений о реальности (от мироздания в целом до ближайшего окружения, сиюминутного контекста деятельности)», характерных как для отдельного человека, так и для социальной группы любого вида – религиозной, этнической, сословной, профессиональной и пр. Картина мира синтезирует представления человека о природе, материальном пространстве, обществе и духовном мире, о самом себе. Картина мира также определяет восприятие и оценку отдельных явлений, расставляя так называемые «маяки», создает систему ориентиров и норм и установок поведения. Говоря коротко, картина мира – это комплекс представлений человека о той реальности, в которой он живет и которая, как отмечает Ю. М. Лотман, «в принципе включает в себя все» [Лотман, 1992: 389].

Во-вторых, пояснения требует выбранная классификация мифологических образов и персонажей. В данном случае мы будем исходить из разделения всей системы мифологических образов на покровителей-*богов*, которых часто объединяют в пантеон, и *духов*, к которым не в каждом случае мож-

но применить определение «покровитель». *Боги*-покровители, как правило, отдалены в пространстве и удалены во времени от человека, живущего здесь и сейчас. Они либо слишком высоко в небе, как в известном афоризме, либо глубоко под землей или водой, и контакты с ними ограничены пространством ритуала или воспоминанием «о далеком прошлом». Они вообще могут кануть в Лету, забыться и уйти. В отличие от богов *духи*-покровители и просто духи любят вступать в контакт с людьми именно «здесь» и именно «сейчас». По этой причине в народных фольклорно-коммуникативных практиках они живут дольше, эволюционируя подчас в очень интересные современные формы и представления. В силу этих особенностей данные о персонажах группы духов-покровителей или просто духов можно собирать и сейчас, а данные о богах-покровителях в своей наибольшей полноте можно обнаружить в письменных источниках XVIII – начала XX века.

В-третьих, и те и другие амбивалентны по отношению к человеку – своему собеседнику: нельзя сказать, что боги-покровители или духи нижнего мира все как один воплощение зла и опасности, а жители верхнего или срединного мира добры по отношению к людям. Все зависит от функциональности самого персонажа, от поведения и целеполагания человека, создающего представления о божестве или духе.

Применительно к удмуртской мифологической картине мира необходимо сделать еще одну принципиальную ого-

ворку. В большем количестве случаев термин *бог* или *богиня* используется по отношению к тому или иному персонажу с достаточной степенью условности: мифологическая картина мира удмуртов содержит очень архаичные компоненты, в числе которых и образы богов / богинь, однако к ним правильнее было бы применять термин *божество*. Видимо, богами в полной мере легче называть представителей верховной триады, образы которых испытали сильное влияние христианства как идеи и как культа, – Инмара, Куаза, Кылдысина. К категории *богинь* можно отнести покровительниц-матерей *мумы́*. Настройкой «по умолчанию» также остается привычное разделение мира покровителей по гендерному признаку: этот мир, как и мир людей, двупол. Однако, забежая вперед, скажем, что здесь можно найти любопытнейших персонажей, которым впору играть роль исключений из правил.

«У каждого свой инмар»: боги-покровители в удмуртской мифологии

Инмар – верховный бог, создатель и покровитель всего сущего. Видимо, первоначально Инмар был одним из божеств, которые населяли верхний ярус мира. Иногда его даже трактуют как бога воздушного пространства. Под влиянием ислама и христианства происходит возвышение Инмара над остальными божествами, хотя нельзя в полной мере

считать этот процесс определяемым внешними факторами: условия для складывания представлений о едином боге формировались и внутри удмуртского общества. Одновременно надо понимать, что этот процесс, как считают исследователи, не закончился даже к XIX веку. В поздний период развития удмуртской культуры имя собственное Инмар начинает использоваться одновременно как имя нарицательное – инмар, то есть бог вообще. Об этом, в частности, пишет П. М. Богаевский, выступая как эксперт-этнограф в труде, посвященном судебному процессу над удмуртами деревни Старый Мултан (1894–1896): «Слово *бог*, как нарицательное имя, по-вотяцки *инмар*; этим же словом называют божество неба. <...> Иногда приходилось нам лично слышать, что божество Инмар есть бог, которому кланяются в православной церкви» [Богаевский, 1896: 24, 26].

Если попытаться перевести дословно, то имя Инмар можно читать как «то, что [находится] в небе», где *ин* – «небо», *мар* – «что на небе». В сочинениях этнографов XIX века можно найти утверждение, что *инмар* – видоизмененная форма якобы существовавшей первичной формы *инмурт* – «небесный человек». «Было бы желательно, чтобы специалисты-филологи высказались в пользу или против подобного изменения слова», – писал профессор Казанского университета И. Н. Смирнов в 1890 году [Смирнов, 1890: 206].

Исследования современных филологов и историков свидетельствуют, что образ удмуртского Инмара, вероятно, вос-

ходит к какому-то божеству, общему для населения Урало-Поволжья эпохи финно-угорского культурно-языкового единства, то есть сохранявшемся до конца III тыс. до н. э., когда начинается эпоха интенсивных миграций прафинно-угров. Н. П. Рычков, адъютант Императорской академии наук, путешествовавший в составе экспедиции П. С. Палласа, пишет в своих «Дневных записках» (1769–1770), что «первенствующий вотский бог есть так называемый Илмер, коего жилище кладут они на небесах и веруют, что все видимое их глазами есть его творение» [Рычков, 1770: 157].

Отмечая, что написание Н. П. Рыčkова, скорее всего, не ошибка, современное финно-угроведение связывает этимологию имени *Инмар* / *Илмер* с более широким кругом финно-угорских божеств. Это тем более интересно, что похожая форма *раннего имени* записана и в гораздо более позднем издании 1909 года у Г. Е. Верещагина: «Первое и едва ли не самое главное место между богами вотяков в глубокую старину занимал Имир. В более позднее время название это изменилось в Инмара» [Верещагин, 1998: 207].

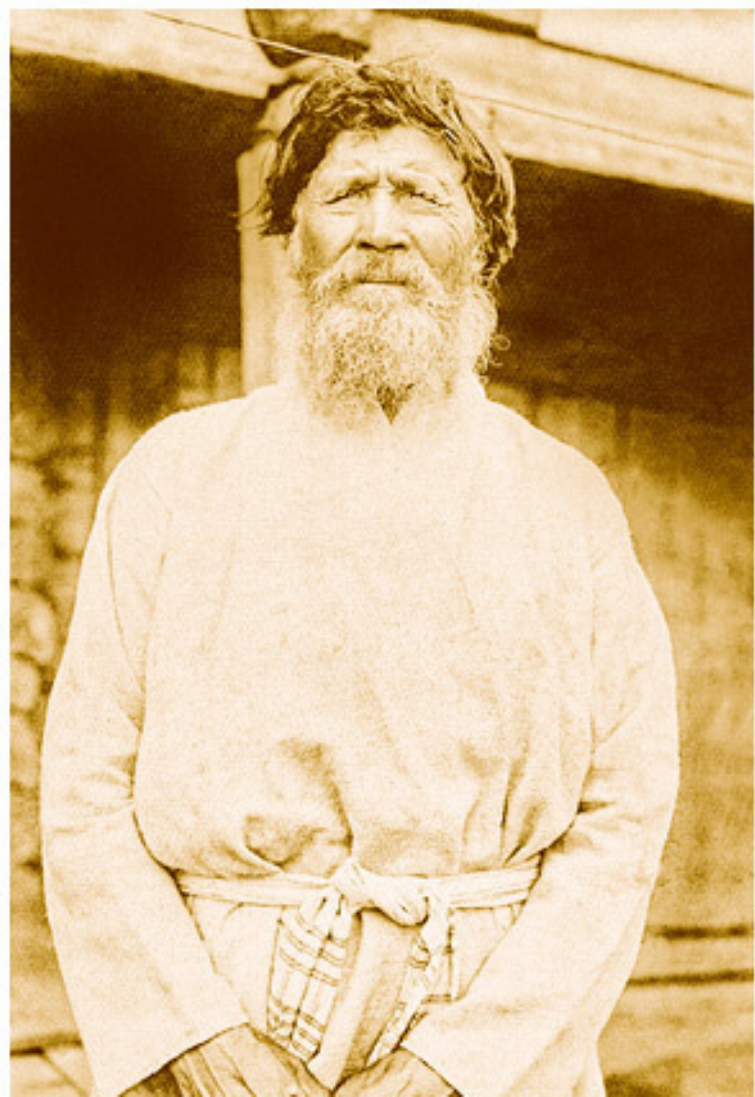
Похожей функциональностью и именами обладают более далекие по отношению к удмуртам финский и карельский *Ильмаринен*, эстонский *Юммал*, хантыйский *Илем*, мансийский *Элем* и более близкие коми *Ён* и марийский *Юмо*. Во всех случаях основа имени бога – *ильма*, *юма*, *ин* – связана с названием воздуха или неба. Небесный, прозрачный, чистый, добрый – то есть высочайший статус Инмара мар-

кировался видом жертвы, которую приносили богу: это были обычно животные *белой* масти – бык, жеребенок, овца. Большинство мифологических категорий, связанных с верхним миром, образованы с использованием морфемы *ин*: *ин-вожо* – «божество, господствующее во время летнего и зимнего солнцестояния», *ин зарни буко* – «радуга», «небесная золотая дуга», *ингур* – «небесный свод», «небесная печь», в которой живет желтый цыпленок – солнце. Как говорит легенда о сотворении мира, Инмар всегда жил на небе или на солнце. По разным вариантам, записанным в XVIII–XIX веках, Инмар то носится или летает в небе, полеживая на облаках, черпая воду золотым ковшом и поливая облака, чтобы они не высохли, то плавает в лодке по морю. На небе же, видимо, располагаются души и береста с разумом, которые вкладываются в людей: по крайней мере, именно на небо отправляется Инмар за душой первого сотворенного человека.

Инмар – творец, создавший землю и слепивший человека. Именно его мысль, целеполагание, воля являются исходной точкой формирования того типа бытия, которое принципиально отличается от божественного, – человеческой жизни. Инмар – источник добра: он *«настолько добр, что вотяки не боятся его»* [Богаевский, 1890–1: 141].

Однако ему не чужд гнев, и он может наказать человека – в том случае, если последний нарушил моральную норму, жадничает. Любопытно, но в поведении Инмара слишком много от человека: он мог обидеться и рассердиться на

неблагодарное, как ему казалось, создание.



Удмурт в праздничном национальном костюме. Фото-портрет.

МБУК «Глазовский краеведческий музей»

Таков один из вариантов легенды о том, почему колос не во весь стебель. По легенде рассерженный Инмар все-таки возвращает людям ржаные колосья, но растут они теперь не от корня, «а лишь на верхушке соломины, и длина их не больше носа собаки» [МУН, 1995: 39].

Охарактеризовать образ Инмара однозначно практически невозможно: функционально он часто «пересекается» с Кылдысином и Куазем, о которых речь пойдет ниже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.